

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-30-44

EDN: JDJZPW

Научная статья / Research article

Методика балльной оценки террористической активности исламистских группировок в 2000–2020 гг.

О.С. Чикризова  

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 chikrizova-os@rudn.ru

Аннотация. Актуальность изучения исламистского терроризма обусловлена его не снижающимся с начала 2000-х гг. деструктивным влиянием на национальную и глобальную безопасность, а также на диалог между западными и восточными, в частности мусульманскими, обществами. Исламистский терроризм закрепляет укоренившиеся предрассудки в отношении ислама и мусульман, демонизирует их, препятствуя конструктивному взаимодействию сообществ, исповедующих разные религии, и установлению отношений, основанных на взаимном доверии. Цель исследования состоит в апробации методики балльной оценки террористической активности исламистских групп с привлечением эмпирических данных о количестве терактов, совершенных исламистами в 2000–2020 гг., и жертв этих атак. На основе Глобальной базы данных о терроризме и авторской выборки из 155 группировок, транслирующих исламистскую идеологию, выделено три этапа развития исламистского терроризма, подтверждено наличие прямой пропорциональной связи между количеством терактов и числом жертв в них, а также проанализирована география террористической деятельности исламистов. Методологически исследование опирается на сочетание двух подходов — изучения терроризма как политического явления и как формы религиозной манифестации, а сами исламистские террористические группировки рассматриваются как политические проекты, только маскирующиеся под сообщества, преследующие религиозные цели. Установлено, что теракты 11 сентября 2001 г. не оказали существенного влияния на активизацию терроризма исламистов в отличие от дестабилизации Ирака, который стал еще одной площадкой для подготовки террористов наряду с Афганистаном. Количественный анализ позволил установить, что Ближний Восток и Северная Африка ошибочно воспринимались как «эпицентр» исламистского терроризма в 2000–2020 гг., поскольку в 2000 г. первое место по числу терактов занимала Юго-Восточная Азия, а в 2003, 2005–2013 и 2018–2020 гг. лидером по этому показателю была Южная Азия. Обозначены возможности и ограничения предлагаемой методики, описаны перспективы ее дальнейшего применения в научных исследованиях исламистского терроризма.

Ключевые слова: джихадизм, международный терроризм, Глобальная база данных по терроризму, количественные методы, Ближний Восток и Северная Африка, Южная Азия, Юго-Восточная Азия, Африка южнее Сахары, теракты 11 сентября

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чикризова О.С. Методика балльной оценки террористической активности исламистских группировок в 2000–2020 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 30–44. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-30-44>

© Чикризова О.С., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Islamist Terrorist Activity in 2000–2020: A Scoring Methodology

Olga S. Chikrizova  

RUDN University, Moscow, Russian Federation

chikrizova-os@rudn.ru

Abstract. The relevance of the study of Islamist terrorism is due to its destructive impact on national and global security, as well as on the dialogue between Western and Eastern, particularly Muslim, nations since the early 2000s. Islamist terrorism reinforces entrenched prejudices against Islam and Muslims, leading to their demonization and the subsequent prevention of constructive interaction between communities professing different religions, thus hindering the establishment of relations based on mutual trust. This study examines the number of terrorist attacks committed by Islamist groups and their victims between 2000 and 2020, and tests the methodology for scoring their terrorist activities. Based on the Global Terrorism Database and the author's sample of 155 groups broadcasting Islamist ideology, three stages of the development of Islamist terrorism were identified, a direct proportional relationship between the number of terrorist attacks and the number of victims was proven, and the geography of Islamist terrorist activity was analyzed. Methodologically, this study combines the analysis of terrorism as both a political phenomenon and a religious manifestation, and Islamist terrorist groups themselves are seen as political projects masquerading as religiously motivated communities. In contrast to the destabilization of Iraq, which along with Afghanistan became another platform for training terrorists, the terrorist attacks on September 11, 2001, had little impact on Islamist terrorism. Quantitative analysis revealed that the Middle East and North Africa was mistakenly perceived as the “epicenter” of Islamist terrorism in 2000–2020, as Southeast Asia was the leader in terrorist attacks in 2000, while South Asia occupied 1st place in 2003, 2005–2013, and 2018–2020. It has been confirmed that instability at the local and national levels serves as a fertile ground for Islamist terrorism. The possibilities and limitations of the proposed methodology are outlined, and the prospects for its further application in scientific studies of Islamist terrorism are described.

Key words: jihadism, international terrorism, Global Terrorism Database, quantitative methods, Middle East and North Africa, South Asia, Southeast Asia, Sub-Saharan Africa, 9/11 attacks

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Chikrizova, O. S. (2025). Islamist terrorist activity in 2000–2020: A scoring methodology. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 30–44. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-30-44>

Введение

После терактов 11 сентября 2001 г. против гражданских и военных объектов на территории США новостные ленты, а следом и страницы научных изданий наполнились публикациями о росте террористической угрозы со стороны исламистских группировок. Действительно, эта серия терактов продемонстрировала, с одной стороны, бреши в системе национальной безопасности США, а с другой — силу воздействия подобных актов не только на внутривнутриполитическую ситуацию внутри Соединенных Штатов, но и на мировую политику в целом, обосновав интервенции коалиционных сил в Афганистан (2001 г.), а затем в Ирак (2003 г.). Эти страны стали своеобразными «тренировочными площадками» (Hegghammer, 2006, p. 11) для террористов со всего мира, а после начала

сирийского конфликта статус главной «школы для террористов» (Hemmingsen, 2013; Hamming, 2019, p. 1) получила Сирия.

Вместе с тем вокруг проблемы «исламистского терроризма» с тех пор возникло много недостаточно, на наш взгляд, обоснованных, но широко разошедшихся даже в исследовательских кругах утверждений о глобальном характере угрозы со стороны исламистов, а также о том, что события 2001 г. «спровоцировали радикальных исламистов по всему миру» (Тан, 2024, p. 299).

Ситуация усугубляется тем, что в академических работах до сих пор не сложилось консенсуса относительно определения понятий «исламистский терроризм» и «джихадизм», как отсутствует и единое, общепринятое определение «международного терроризма», которое устанавливало бы общие для

всех государств критерии, по которым ту или иную группировку причисляли бы к террористическим. Это обуславливает тот факт, что в различных странах в списки террористических входят разные группировки, а сам «международный терроризм» становится удобным инструментом, позволяющим отдельным государствам преследовать неугодные группы (например, представляющие интересы этнических или религиозных меньшинств или сепаратистов).

В рамках данного исследования нами не ставится задача предложить свои определения вышеуказанных понятий, поскольку этот деликатный вопрос требует глубокой проработки и целой серии специальных публикаций. Тем не менее наличие такой научной проблемы, как несогласованность понятий внутри проблематики международного и исламистского терроризма, определяет актуальность нашего исследования, которое сосредоточено на эмпирическом анализе террористической активности исламистских групп и презентации авторской методики балльной оценки этой активности. Предлагаемая методика, на наш взгляд, предоставляет инструменты количественной оценки террористической деятельности исламистов на страновом, региональном или глобальном уровнях, что позволит делать более эмпирически обоснованные выводы о географии, характере и особенностях исламистского терроризма. Впоследствии такие выводы могут лечь в основу более научно фундированного, не окрашенного идеологически определения понятия «исламистский терроризм» и выделения критериев, в соответствии с которыми та или иная группировка может быть обоснованно причислена к «исламистским террористам».

Хронологические рамки исследования определяются следующими соображениями. В целях выявления влияния событий 11 сентября 2001 г. на количество терактов, совершаемых исламистами, мы начинаем расчеты с 2000 г., предшествующего трагедии в США. Это позволит оценить, была ли «аномальной» исламистская террористическая активность в 2001 г. и вызвали ли теракты 11 сентября реальный всплеск исламистского терроризма.

Исследование заканчивается 2020 г., что обусловлено ограничением доступа к данным о террористических инцидентах, размещенных в «Глобальной базе данных по терроризму» (*Global Terrorism Database, GTD*¹; далее — ГБДТ). Эта база является одной из самых полных и содержит сведения о террористических атаках по всему миру с 1970 г. На информацию из ГБДТ опирается большинство не только западных, но и российских исследователей, в частности российский эксперт по проблематике международного терроризма Е.А. Степанова из ИМЭМО РАН (Степанова, 2014; 2016; 2017), которая принимала участие в разработке «Глобального индекса терроризма».

На момент проведения этого исследования ГБДТ содержала информацию по терактам за полный календарный 2020 г. При этом следует отметить, что ГБДТ была выбрана в качестве источника эмпирических данных ввиду фактического отсутствия альтернативы. В настоящее время не создано российской базы данных, которая содержала бы информацию о терактах по всему миру. В других незападных странах подобных баз также нет. Среди недостатков ГБДТ следует выделить то, что она не фиксирует данные о террористических организациях и терроре, «используемом государствами против своих граждан» (Schmid & Jongman, 1988), а также специфику восприятия терроризма в США, где формировалась база данных: ГБДТ формировалась на основе сведений, собираемых Службой глобальной разведки Пинкертона (*Pinkerton Global Intelligence Services (PGIS)*) в годы холодной войны, когда фокус в исследованиях терроризма был сделан на его «левом» варианте, а в 2000-е гг. наиболее предвзятыми данными из ГБДТ могут считаться сведения о терактах, совершенных исламистами, поскольку, как уже отмечалось, после 11 сентября 2001 г. именно исламистский терроризм позиционировался американским

¹ START (National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism). (2022). Global Terrorism Database 1970–2020 [data file]. URL: <https://www.start.umd.edu/data-tools/GTD> (accessed: 22.09.2024).

руководством как главная угроза национальной безопасности США.

Несмотря на вышеизложенное, представляется, что в условиях отсутствия единого глобального подхода к определению терроризма, согласованного всеми членами международного сообщества, любая база данных будет иметь те же недостатки, что указаны выше для ГБДТ.

Статья содержит описание авторского подхода к изучению исламистского терроризма и методики балльной оценки террористической активности исламистских групп (раздел «Методология и методы исследования»); результаты применения этой методики, которые должны помочь ответить на вопросы о том, какие события оказали наибольшее влияние на распространение исламистского терроризма, насколько глобальный характер имеет угроза исламистского терроризма, а также какие регионы в большей степени подвержены этой угрозе («Результаты»); возможности и ограничения предлагаемой методики («Дискуссия») и выводы («Заключение»).

Методология и методы исследования

Один из ведущих западных экспертов по проблематике терроризма, соредактор журнала «Взгляды на терроризм» (*Perspectives on Terrorism*²) А.П. Шмид выделяет пять методологических рамок изучения терроризма, которые соответствуют пяти исследовательским дисциплинам, рассматривающим это явление:

- 1) терроризм как преступное деяние (криминология);
- 2) терроризм в контексте политики (политология);
- 3) терроризм в контексте войн (исследования войны и мира);
- 4) террористический акт как средство коммуникации (исследования коммуникации);
- 5) террористический акт как религиозный «крестовый поход»/джихад (религиоведение) (*The Routledge Handbook of Terrorism Research*, 2011, pp. 1–2).

² *Perspectives on Terrorism Journal*. URL: <https://pt.icct.nl/> (accessed: 12.10.2024).

Каждый из указанных подходов, как отмечает А.П. Шмид, позволяет рассмотреть тот или иной аспект терроризма, но не является единственно правильным (*The Routledge Handbook of Terrorism Research*, 2011, p. 2).

Поскольку в задачи нашего исследования не входит рассмотрение соответствия отдельных терактов, включенных в ГБДТ, российскому законодательству и установленному им определению террористического акта, мы исключаем первый методологический подход. Третий и четвертый подходы также не соответствуют заявленной цели статьи, так как они предполагают анализ влияния военных действий на теракт и коммуникационные возможности терактов. В этой связи мы опираемся на методологию, сочетающую второй и пятый подходы, рассматривая исламистские группировки, использующие методы террора, как политические проекты, созданные теми или иными акторами международных отношений с политическими целями (в частности, для обоснования «демонизации» образа коллективного врага в лице исламской религии). При этом для вербовки сторонников среди мусульман и «сакрализации» деятельности таких группировок их идеологи прибегают к искажению исламских религиозных догматов и самой миролюбивой сущности этой религии (Ранджбар, Чикризова, 2023), что позволяет таким политическим проектам обосновывать осуществляемое насилие религиозными мотивами.

Также особенностью данного исследования является акцент на анализе эмпирических данных о количестве терактов и числе жертв в них за 2000–2020 гг., позволяющих нам предложить методику балльной оценки террористической активности исламистских группировок в каждый отдельный год, а также изучить региональный уровень деятельности исламистских террористов. Для этого нами применяется метод позиционирования (построение точечной диаграммы, выявляющей взаимосвязь количества терактов с численностью жертв по годам) и метод анализа связей между переменными, метод группировки и систематизации и метод ранжирования для присвоения балльного коэффициента

отдельным годам в соответствии с уровнем террористической активности исламистов в этот год.

Практика использования количественных методов для анализа феномена терроризма достаточно широко распространена и уже активно применяется для выявления связи между идеологией, транслируемой террористами, и летальностью их терактов (Carson & Suppenbach, 2018; Piazza & LaFree, 2019), между структурой и целями группировок и смертностью в терактах (Piazza, 2009), между типами идеологий, местами операций, типами атак и видами целей (Davis, 2019), для оценки уровня активности боевиков террористических групп в отдельных регионах, например в Европе (Narrow, 2010) и проч. При этом исследователи редко фокусируются на выявлении этапов в деятельности исламистских террористов либо поиске подтверждений подлинно глобального характера исламистской угрозы путем установления доли группировок, совершающих теракты в более чем одном регионе мира или за пределами страны своего происхождения.

В основе количественных исследований феномена терроризма лежат эмпирические данные, которые аккумулируются в различных базах данных, разрабатываемых государственными структурами различных стран, научными центрами и лабораториями на базе университетов, а также частными структурами (консалтинговыми агентствами, аналитическими центрами или центрами обработки больших данных). Описание особенностей 20 существующих баз данных и методологий, лежащих в основе анализа терроризма в рамках отдельных проектов, содержится в коллективной монографии под редакцией А.П. Шмида (*The Routledge Handbook of Terrorism Research*, 2011, pp. 294–340). Однако не существует ни одной специализированной базы, посвященной только исламистскому терроризму.

Что касается индексов и рейтингов оценки уровня террористической угрозы, то здесь необходимо упомянуть Глобальный индекс терроризма (*Global Terrorism Index*) — один из самых известных индексов, анализирующих террористическую активность в отдельных

странах мира. Согласно информации на сайте индекса, он складывается из таких показателей, как «инциденты, смертельные случаи, ранения и заложники. Для измерения воздействия терроризма применяется пятилетнее средневзвешенное значение»³. Однако важно отметить, что данный индекс, во-первых, рассчитывается на основе данных «Трекера терроризма» (*TerrorismTracker*⁴), который содержит информацию о терактах лишь с 2007 г. и доступен только для учреждений, оплативших подписку (что ограничивает для исследователей возможности обращения к первоисточнику данных, лежащих в основе Глобального индекса терроризма, и их верификации), а во-вторых, данный индекс не учитывает идеологию террористических группировок и не позволяет вычленить только атаки исламистов.

Исходя из вышесказанного, мы пришли к выводу, что ни одна из существующих методик количественной оценки террористической оценки не фокусируется на тех исследовательских вопросах, которые поставлены в этой статье, и каждый из подходов имеет как преимущества, так и ограничения.

В этой связи мы сосредоточились на том, чтобы изучить динамику террористической активности исламистов в 2000–2020 гг., выявив годы, характеризующиеся особо высокими показателями по количеству терактов и/или жертв в них, а также проследить, какие регионы в большей степени были подвержены угрозе исламистского терроризма в исследуемый период.

Для этого, опираясь на описанную выше методологию и сведения о террористических инцидентах, содержащиеся в ГБДТ (209 706 инцидентов с 1970 г., всего групп — 3064; из них — 139 872 инцидента с 2000 г., совершенных 1685 группами), была составлена авторская выборка исламистских групп. Основу выборки составили группировки, объединенные Дж.В. Карсон и М. Суппенбахом

³ 2023 Global Terrorism Index // Vision of Humanity. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (accessed: 04.11.2024).

⁴ TerrorismTracker // Dragonfly Intelligence. URL: <https://dragonflyintelligence.com/intelligence/terrorismtracker/> (accessed: 04.11.2024).

в «глобальное джихадистское движение» (Carson & Suprenbach, 2018, pp. 24–26). Однако исследование указанных авторов ограничивается 2014 г. включительно, поэтому мы расширили выборку за счет группировок, совершивших теракты в 2015–2020 гг., в том числе организаций шиитского и деобандийского толка.

Важно отметить, что из выборки были исключены Движение исламского сопротивления (ХАМАС) и ливанская «Хизбалла». Это объясняется тем, что указанные структуры, во-первых, действуют легально на территориях своих государств, в связи с чем они не включены в Российской Федерации в список террористических, а во-вторых, тем, что их деятельность не несет угрозы безопасности России. Так, в «Документе о генеральных принципах и политике» ХАМАС, принятом в 2017 г., Движение исламского сопротивления позиционирует себя как «палестинское исламское национально-освободительное движение и движение сопротивления»⁵. ХАМАС является организацией, борющейся за создание палестинского национального государства, используя не только концепцию «джихада», но и «светские» политические инструменты, такие как участие в выборах, взаимодействие с профсоюзами, женскими и студенческими организациями, а также создание благотворительных организаций. Как отмечал авторитетный российский востоковед-арабист Г.Г. Косач, «обращение [ХАМАС] к религии было оправдано поиском места в сложившейся иерархии политических структур: он использовал нишу, игнорировавшуюся соперниками» (Косач, 2020, с. 82). При этом анализ принципов ХАМАС, изложенных в Документе 2017 г., позволяет утверждать, что ХАМАС стремится «обрести национальный характер» (Косач, 2020, с. 91), избавившись от «ярлыка» радикальной исламистской группировки.

В свою очередь, деятельность «Хизбаллы» также не угрожает национальной безопасности Российской Федерации. «Хизбалла»

участвует в политических процессах Ливана на легальной основе и активно реализует проекты по социальной поддержке жителей наиболее уязвимых (с военной и экономической точек зрения) районов Ливана. Легальный статус «Хизбаллы» в Ливане позволяет нам вслед за В.М. Морозовым и А.Б. Хачировой рассматривать ливанскую партию наряду с ХАМАС в качестве «субъектов региональной политики вне контекста терроризма» (Морозов, Хачирова, 2018, с. 107).

Из выборки также были исключены группировки, совершившие один теракт за рассматриваемый период, с тем чтобы сбалансировать расчеты, не учитывая в них группировки-«однодневки», деятельность которых не носила систематического характера. Кроме того, мы не учитывали «зонтичные» организации, объединяющие группировки различных толков — как исламистские, так и светские (например, этнические «милиции» или сепаратистские движения). В частности, из выборки исключена иракская организация «Аль-хашд аль-шаабий» (Силы народной мобилизации), объединяющая порядка 40 группировок, преимущественно (но не только) шиитских (Чикризова, 2021, с. 79), поскольку невозможно отделить атаки «исламистской» направленности, совершаемые данной (и подобными ей) организацией, от акций, имеющих иные, не религиозные, мотивы.

Таким образом, итоговая выборка включает 155 группировок⁶, которые за рассматриваемый период брали на себя ответственность или обвинялись в организации более чем одного теракта, а также пять «собираемых» групп («алжирские мусульманские фундаменталисты», «алжирские исламистские экстремисты», «мусульманские экстремисты» и «мусульманские фундаменталисты»), на которых была возложена ответственность за совершение террористических атак. Включение последних в выборку объясняется значительным количеством терактов (1244 инцидента в совокупности),

⁵ A Document of General Principles and Policies // Islamic Resistance Movement (Hamas). May 1, 2017. URL: <https://web.archive.org/web/20170510123932/http://hamas.ps/en/post/678/> (accessed: 15.11.2024).

⁶ Чикризова О. С. Методика балльной оценки террористической активности исламистских группировок в 2000–2020 гг. (сырые данные). URL: <https://chikrizovawdata.tilda.ws/> (дата обращения: 20.12.2024).

приписываемых этим группам, что не позволило нам проигнорировать их при расчетах.

Что касается географии регионов, то мы исходили из подхода, принятого в ГБДТ. Так, Турция и Иран относятся к региону Ближний Восток и Северная Африка (БВСА), а регион Южная Азия составляют Афганистан, Пакистан, Индия и Бангладеш. Остальные регионы соответствуют географическим рамкам, принятым в российской науке, и совпадают с геосхемой мира Организации Объединенных Наций.

Результаты

В первую очередь проанализируем количество терактов, совершенных исламистскими группировками в 2000–2020 гг. (табл. 1), с тем чтобы определить, действительно ли атаки 11 сентября привели к активизации исламистов.

Из данных, приведенных в табл. 1, становится очевидно, что события 11 сентября 2001 г. не оказали серьезного влияния на количество террористических атак в последующие три года. При этом 2001 г. за счет значительного числа жертв в ходе разрушений башен-близнецов в Нью-Йорке стал рекордным по данному показателю в первом десятилетии XXI в.

Значительный рост показателя числа исламистских атак наблюдается в 2007 г., что связано, как представляется, с событиями в Ираке. Так, после казни Саддама Хусейна 30 декабря 2006 г. в стране обострилась внутривнутриполитическая ситуация, связанная со сложившимся вакуумом власти, накопившимся недоверием к Временной коалиционной администрации и недовольством пребыванием американского контингента на иракской территории. На фоне обострения суннитско-шиитского противостояния внутри Ирака произошел и рост террористической активности, главным образом в результате создания в 2006 г. группировки «Исламское государство Ирака» (ИГИ), прообраза «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ, ИГ)⁷

⁷ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций,

(18 атак в 2007 г., 20 — в 2008 г.). Также в 2007 г. были созданы такие организации, как «Аль-Каида в странах исламского Магриба»⁸ (69 терактов в 2007 г., 43 теракта в 2008 г.) и «Аш-Шабаб» (20 терактов в 2007 г., 28 — в 2008 г.)⁹, однако «расцвет» деятельности последней произойдет позднее.

Таблица 1. Количество терактов, совершенных исламистскими группировками в 2000–2020 гг., и число жертв этих терактов

Год	Кол-во терактов	Кол-во жертв, чел.
2000	249	679
2001	172	3 820
2002	202	1 269
2003	284	1 158
2004	246	1 945
2005	382	1 936
2006	396	1 246
2007	526	2 875
2008	769	2 638
2009	733	3 336
2010	807	3 132
2011	862	3 396
2012	2 432	8 326
2013	2 538	10 132
2014	4 890	27 547
2015	4 900	26 480
2016	4 645	23 646
2017	4 177	19 459
2018	3 595	15 744
2019	3 192	14 009
2020	3 486	15 003
ВСЕГО	39 483	187 776

Источник: рассчитано О.С. Чикризовой по данным: Чикризова О.С. Методика балльной оценки террористической активности исламистских группировок в 2000–2020 гг. (сырые данные). URL: <https://chikrizovawdata.tilda.ws/> (дата обращения: 20.12.2024).

признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

⁸ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

⁹ Чикризова О.С. Методика балльной оценки террористической активности исламистских группировок в 2000–2020 гг. (сырые данные). URL: <https://chikrizovawdata.tilda.ws/> (дата обращения: 20.12.2024).

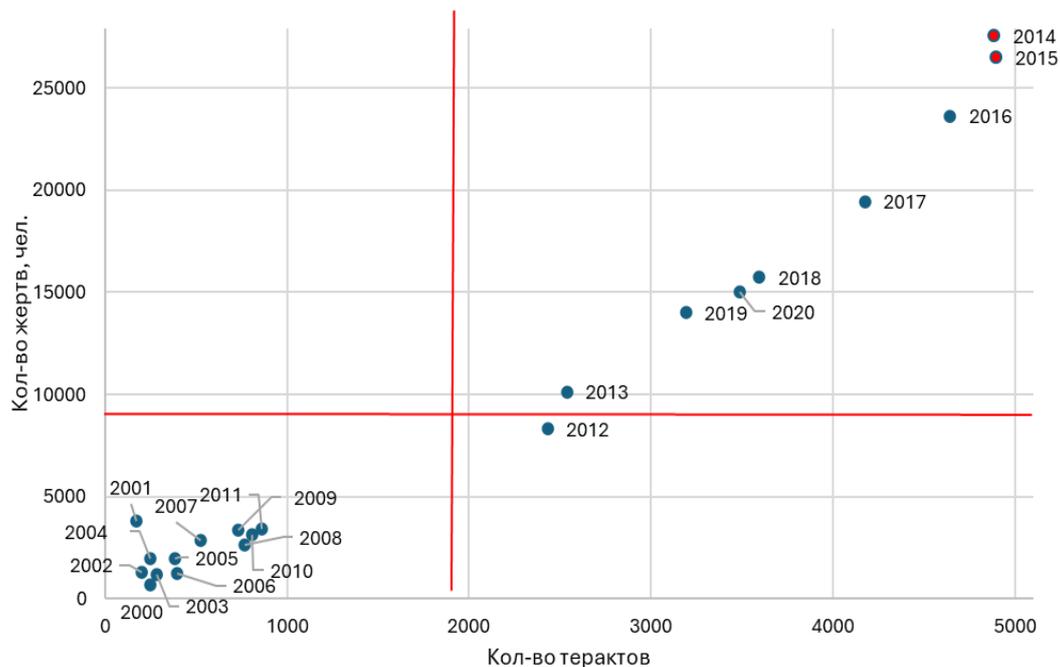


Рис. 1. Соотношение количества совершенных исламистами терактов и числа жертв в них в 2000–2020 гг.
 Источник: составлено О.С. Чикризовой.

Важно отметить, что наш вывод о влиянии войны в Ираке на рост исламистского терроризма подтверждает результаты более ранних исследований (Hegghammer, 2006; Narrow, 2010).

Драматическое воздействие на рост исламистского терроризма, исходя из данных, собранных в табл. 1, оказали события «арабской весны», а точнее — начавшиеся вследствие этих событий гражданские войны в Сирии и Ливии. Потрясения, вызванные «арабской весной», затронули весь регион Ближнего и Среднего Востока, а также Африку южнее Сахары. В результате в 2012 г. количество атак исламистов выросло в 2,8 раза по сравнению с 2011 г., а число жертв этих атак — почти в 2,5 раза.

Следующий рубеж — это 2014 г., ознаменовавшийся деятельностью смертоносной группировки ИГИЛ (запрещено в РФ). Так, если в 2013 г. на ИГИЛ (запрещено в РФ) возлагается ответственность за 377 атак, то в 2014 г. — уже за 1250 терактов. Впоследствии, когда исламистские группировки в целом ряде регионов «присягнули на верность» ИГИЛ (запрещено в РФ), совокупное количество терактов, совершенных под

флагом этой организации, составит 1770 в 2015 г., а в 2016 г. — 2045¹⁰.

Важно отметить, что наблюдаемое в 2018 и 2019 гг. незначительное снижение числа атак произошло на фоне разгрома ИГИЛ (запрещено в РФ) в Сирии при широким участии Военно-космических сил РФ. Что же касается пандемии COVID-19, то она не привела к ожидаемому спаду активности исламистских группировок.

Для проведения балльной оценки террористической активности исламистов в каждом отдельном году используем метод позиционирования, который позволит одновременно учесть две переменные — и количество совершенных терактов, и число жертв в них.

На первом этапе определяются «аномальные» годы, в которые наблюдались максимальные значения обеих переменных по сравнению со средним значением (средние — 1880 терактов, 8942 жертвы — обозначены линиями контрастного цвета) (рис. 1).

¹⁰ Чикризова О.С. Методика балльной оценки террористической активности исламистских группировок в 2000–2020 гг. (сырые данные). URL: <https://chikrizovarawdata.tilda.ws/> (дата обращения: 20.12.2024).

В дальнейшем будем называть такие годы «выбросами» (по аналогии со статистическими выбросами), и в результате выявленные годы получают максимальный балл за исламистскую активность.

Диаграмма позволяет увидеть, что 2014 и 2015 гг. «выбиваются» из общей картины аномально высокими значениями обеих переменных. Для того чтобы эти аномалии не влияли на оценку исламистской активности в другие годы, построим диаграмму уже без учета «выбросов» (рис. 2).

Линии контрастного цвета обозначают средние значения (1563 теракта и 7039 жертв) и позволяют сгруппировать все исследуемые годы в четыре категории, или квадранта, исходя из следующей логики:

— 1-й квадрант — минимальные из наблюдаемых значения обеих переменных позволяют нам оценить исламистскую террористическую активность в 1 балл;

— 2-й и 3-й квадранты — максимальные из наблюдаемых значения по одной из переменных дают основание, избегая моральной дилеммы, при которой исследователю нужно было бы придавать большее значение либо числу жертв, либо количеству терактов, оценить активность исламистов в 2 балла;

— 4-й квадрант — максимальные из наблюдаемых значения обеих переменных позволяют нам оценить исламистскую террористическую активность в 3 балла;

— годы с аномальными значениями обеих переменных («выбросы») получают 4 балла за исламистский терроризм.

Итак, на рис. 2 четко отображено, что в исследуемый период не происходило какого-либо постепенного перехода от низкой террористической активности исламистов к более высокой. Кроме того, можно сделать вывод о том, что число жертв терактов росло пропорционально количеству атак.

В качестве предпоследнего шага рассмотрим подробнее первый квадрант, в который попали годы с минимальными из наблюдаемых значениями обеих переменных (рис. 3).

Как видим, в первом квадранте выделяется 2001 г., который, как отмечалось ранее, был аномальным по числу жертв исламистских атак. Также в подтверждение ранее сделанных выводов диаграмма позволяет увидеть, что в 2007 г. происходит переломный момент, после которого происходит рост как количества атак, так и человеческих жертв в них.

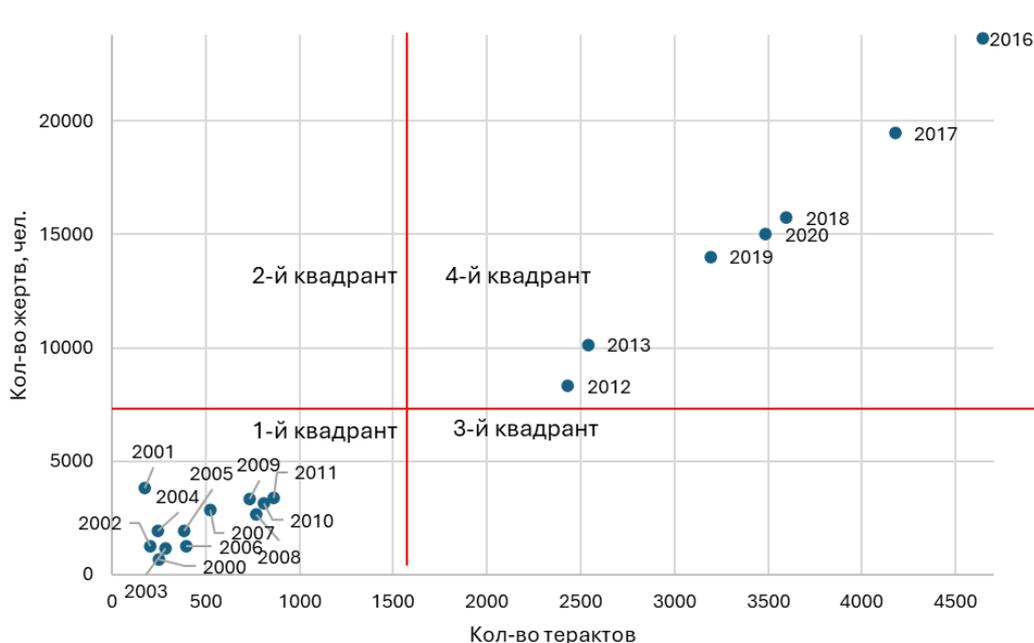


Рис. 2. Соотношение количества совершенных исламистами терактов и числа жертв в них в 2000–2020 гг., без учета «выбросов»

Источник: составлено О.С. Чикризовой.

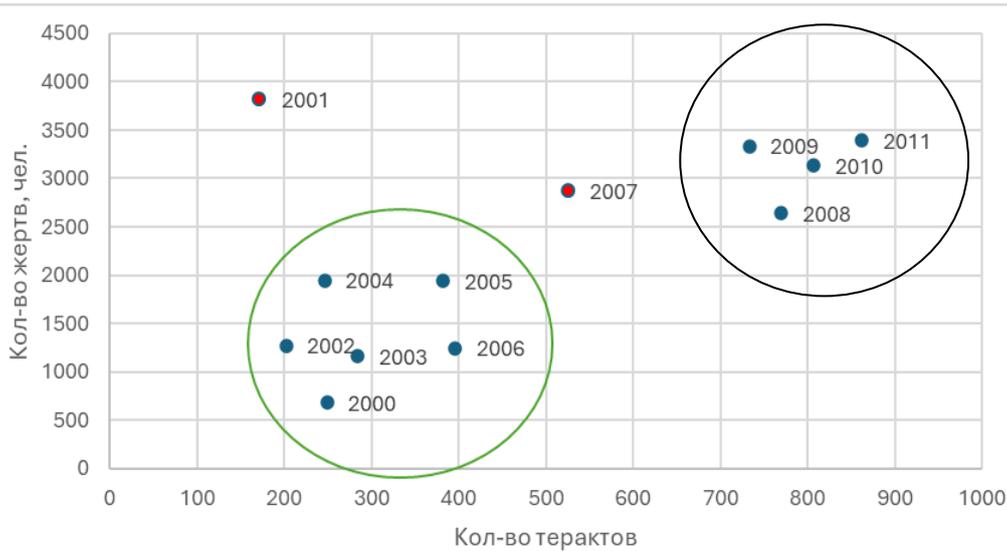


Рис. 3. Соотношение количества совершенных исламистами терактов и числа жертв в них в 2000–2020 гг., 1-й квадрант

Источник: составлено О.С. Чикризовой.

Подведем итог балльной оценки исламистской террористической активности в каждый отдельный год (табл. 2).

Таблица 2. Балльная оценка террористической активности исламистов в 2000–2020 гг.

Год	Балл	Год	Балл
2000	1	2011	1
2001	1	2012	3
2002	1	2013	3
2003	1	2014	4
2004	1	2015	4
2005	1	2016	3
2006	1	2017	3
2007	1	2018	3
2008	1	2019	3
2009	1	2020	3
2010	1		

Источник: составлено О.С. Чикризовой.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно выделить три этапа в развитии исламистского терроризма:

1) 2000–2006 гг., в котором ожидаемо выделяется 2001 г.;

2) 2007–2011 гг., где среди факторов, обусловивших рост исламистской активности, можно отметить события в Ираке, а также «эффект „Аль-Каиды“¹¹», связанный с

¹¹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных

«расползанием» ячеек этой сетевой террористической структуры по различным регионам мира, включая Южную и Юго-Восточную Азию, а также Африку южнее Сахары;

3) 2012–2020 гг.: беспрецедентный всплеск террористической активности исламистов, вызванный ростом числа «горячих точек», особенно в ядре «мира ислама» — регионе Ближнего Востока и Северной Африки, а также — опять же на фоне вооруженного конфликта в Сирии — создания ИГИЛ (запрещено в РФ), которое буквально за два года «прирастет» многочисленными «вилайетами», то есть аффилированными организациями практически по всему миру.

Далее целесообразно выявить, какие регионы наиболее пострадали от террористических атак исламистов. Для этого мы подсчитали совокупное количество терактов, совершенных группировками из авторской выборки в исследуемые годы. Результаты приведены в табл. 3.

С целью выявления тенденций в изменении географии исламистского терроризма построим гистограмму, которая будет демонстрировать доли отдельных регионов в террористической активности исламистов в исследуемые годы (рис. 4).

организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

Таблица 3. География террористической активности исламистов в 2000–2020 гг.

Годы / регион	Количество терактов										Итого терактов
	БВСА	ЮА	ЮВА	АЮС	ЗЕ	СевАм	ВЕ	ЦА	АиО	ВА	
2000	80	27	140	0	0	0	0	2	0	0	249
2001	74	57	35	0	1	4	1	0	0	0	172
2002	109	56	33	2	0	0	2	0	0	0	202
2003	98	110	75	0	0	1	0	0	0	0	284
2004	134	88	10	1	6	0	4	3	0	0	246
2005	188	167	13	3	8	0	2	1	0	0	382
2006	173	208	11	1	1	1	1	0	0	0	396
2007	217	270	15	22	2	0	0	0	0	0	526
2008	192	436	89	36	0	0	14	0	0	2	769
2009	122	453	63	85	0	1	7	2	0	0	733
2010	151	512	23	111	1	1	7	1	0	0	807
2011	138	382	33	300	0	0	8	1	0	0	862
2012	575	1 105	67	671	6	1	7	0	0	0	2 432
2013	768	1 039	112	602	2	4	10	0	0	1	2 538
2014	1 965	1 350	158	1 402	1	0	10	1	0	3	4 890
2015	2 112	1 569	201	995	13	3	6	1	0	0	4 900
2016	2 214	1 368	146	893	8	1	13	2	0	0	4 645
2017	1 650	1 302	165	1 032	11	0	14	1	2	0	4 177
2018	876	1 641	134	927	5	0	8	4	0	0	3 595
2019	656	1 588	69	872	2	1	2	2	0	0	3 192
2020	549	2 019	51	857	6	0	3	1	0	0	3 486
Всего:	13 041	15 747	1 643	8 812	73	18	119	22	2	6	39 483

Примечание. Расшифровка сокращений: БВСА — Ближний Восток и Северная Африка, ЮА — Южная Азия, ЮВА — Юго-Восточная Азия, АЮС — Африка южнее Сахары, ЗЕ — Западная Европа, СевАм — Северная Америка, ВЕ — Восточная Европа, ЦА — Центральная Азия, АиО — Австралия и Океания, ВА — Восточная Азия.

Источник: рассчитано О.С. Чикризовой по данным: START (National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism). (2022). Global Terrorism Database 1970–2020 [data file]. URL: <https://www.start.umd.edu/data-tools/GTD> (accessed: 22.09.2024).

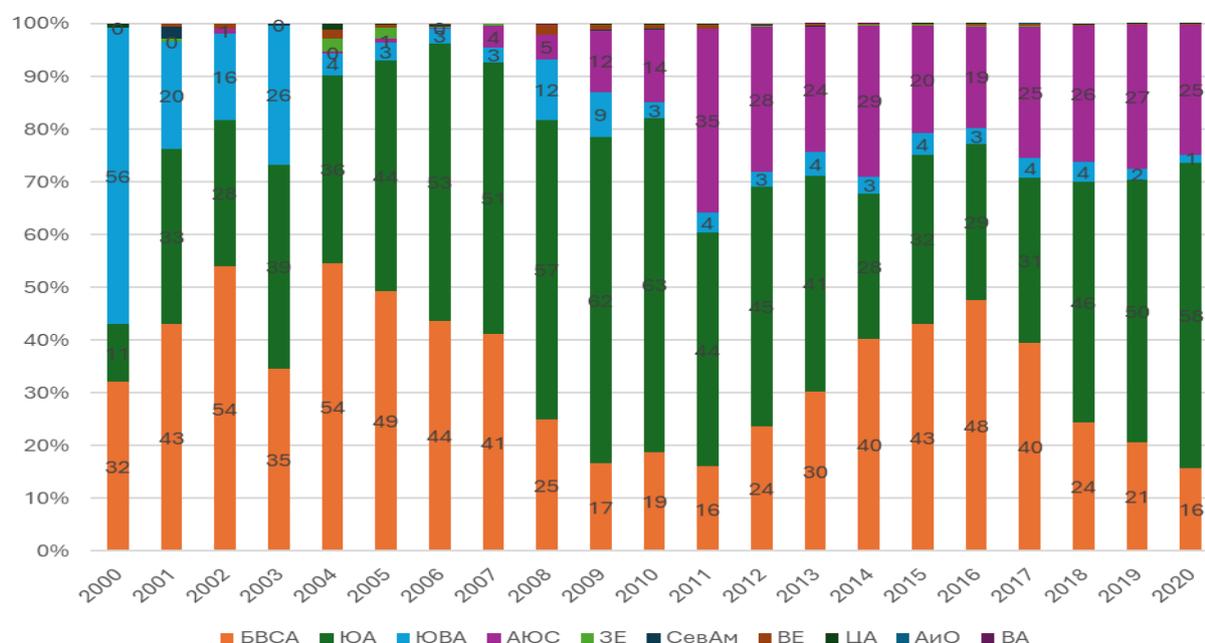


Рис. 4. География террористической активности исламистов в 2000–2020 гг., %:

БВСА — Ближний Восток и Северная Африка, ЮА — Южная Азия, ЮВА — Юго-Восточная Азия, АЮС — Африка южнее Сахары, ЗЕ — Западная Европа, СевАм — Северная Америка, ВЕ — Восточная Европа, ЦА — Центральная Азия, АиО — Австралия и Океания, ВА — Восточная Азия

Источник: рассчитано О.С. Чикризовой.

Исходя из расчетов долей отдельных регионов в географии исламистского терроризма можно сделать следующие выводы.

Во-первых, до событий 11 сентября 2001 г. «лидером» по числу атак исламистов была Юго-Восточная Азия, однако данный вывод нуждается в подтверждении, для которого достаточно будет расширить географические рамки исследования данными до 2000 г. В 2001–2002 и 2004 гг. «антирейтинг» возглавлял регион Ближний Восток и Северная Африка, который был основной ареной для «Аль-Каиды» (запрещена в РФ) и аффилированных с ней группировок. Однако в 2003, а затем с 2005 по 2013 г. лидером «антирейтинга» была Южная Азия, что можно объяснить, исходя из анализа нашей выборки, тем, что в указанный период значительное количество терактов было совершено как «Движением Талибан»¹² (от 50 атак в 2003 г. до 800 терактов в 2012 г.), так и аффилированными с ним группами в Пакистане (в частности, «Техрик-е Талибан Пакистан», которая начала свою деятельность именно в 2007 г. с двух атак, а в 2008 г. реализовала уже 112 терактов, в 2009 г. — 156, в 2010 г. — 161, и т. д.). Далее, в 2014–2017 гг., регион БВСА вернул себе позицию лидера по числу терактов исламистов, что объясняется деятельностью ИГИЛ (запрещено в РФ). В 2018–2020 гг., после разгрома этой группировки в Сирии и Ираке, Южная Азия вновь становится эпицентром исламистского терроризма, а на втором месте прочно утверждается Африка южнее Сахары. Это объясняется тем, что в рядах ИГИЛ (запрещено в РФ) с самого начала действовало несколько групп из стран Южной и Юго-Восточной Азии (Bakhshi & Rouselle, 2024), а в Африке южнее Сахары «вилайеты» ИГИЛ (запрещено в РФ) не только не были уничтожены, но и укоренились на почве многочисленных локальных и региональных конфликтов (Яшлавский, 2024, с. 69).

¹² Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

Во-вторых, по числу терактов исламистов на протяжении всего исследуемого периода стабильно выделялись такие регионы, как БВСА, Южная и Юго-Восточная Азия, которые входят в «мир ислама», а также характеризуются высоким уровнем конфликтности на религиозной почве (между мусульманами-суннитами и мусульманами-шиитами, между индуистами и мусульманами (Choukkar, 2024), между мусульманами и христианами). При этом важно отметить, что в этих регионах теракты совершают главным образом «домашние» группировки, деятельность которых ограничена одной страной, а иногда даже одной провинцией (например, Джамму и Кашмир — территорией, оспариваемой Пакистаном у Индии, или Минданао и Сулу — территориями Филиппин, которые населены исповедующими ислам народностями моро, но позже стали активно заселяться филиппинцами-католиками и китайцами). Таким образом, мы можем отнести такие группировки как к исламистам, так и к сепаратистам, но не рассматриваем их как часть международного терроризма.

В-третьих, анализ продемонстрировал, что в исследуемый период такие регионы, как Западная Европа (73 атаки за 2000–2020 гг.) и Северная Америка (18 терактов), были затронуты исламистским терроризмом в незначительной степени, особенно до 2015 г. (кроме 2004 и 2005 гг. для Западной Европы). Однако с 2015 г., когда в Западной Европе наблюдался кризис, вызванный наплывом мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки, действительно произошел рост числа атак исламистов, особенно в 2015 и 2017 гг., которые стали рекордными для Западной Европы по этому показателю. Что же касается Восточной Европы, то в этом регионе исламистская активность была выше, чем в Западной Европе, в 2008–2014 и 2016–2018 гг. Подавляющее большинство атак было осуществлено по территории Российской Федерации (112 из 119). Выявление причин всплесков числа терактов в Восточной Европе в указанные годы требует дополнительных изысканий в рамках отдельного исследования.

Наконец, самыми безопасными регионами с точки зрения угрозы исламистских атак можно назвать Австралию и Океанию и Восточную Азию. И если в первом случае все объясняется географической удаленностью и даже в некоторой степени изоляцией региона от эпицентров исламистского терроризма, то в случае с Восточной Азией необходимо проведение отдельного исследования, которое позволило бы оценить уровень исламистской угрозы для Китая, а также выявить соотношение исламизма и сепаратизма в идеологии радикальных группировок из среды уйгурских мусульман.

Обсуждение

Предложенная в статье авторская методика балльной оценки террористической активности исламистов, а также авторская выборка исследуемых группировок, на наш взгляд, позволяет вывести научное понимание феномена исламистского терроризма на более высокий уровень. Это достигается за счет опоры на эмпирические данные и достаточно обширные хронологические рамки, которые могут быть существенно расширены за счет возможностей Глобальной базы данных по терроризму, предоставляющей информацию о терактах, начиная с 1970 г. Это обуславливает не только научную, но и практическую значимость этой методики, которая может быть использована для изучения проявлений исламистского терроризма в отдельных странах либо на региональном или глобальном уровнях, выступая доступным инструментом для подтверждения выдвигаемых гипотез о развитии феномена исламистского терроризма.

Как и любые количественные методики, применяемые в социальных и гуманитарных дисциплинах, наш подход также имеет свои ограничения. Речь идет, главным образом, о том, что на данный момент ГБДТ не содержит полных данных за 2021–2024 гг. Это пока не позволяет делать эмпирически обоснованные выводы о текущих тенденциях в исламистском терроризме. Однако поскольку Мэрилендский университет, развивающий

ГБДТ, продолжает этот проект, в перспективе данное ограничение может быть снято. Также не исключаются возможности обращения к другим базам данных, обновляющим информацию несколько оперативнее, чем ГБДТ. Кроме того, перспективным представляется создание и развитие в России собственных баз данных по терроризму, которые более четко отражали бы российский подход к пониманию этого феномена.

Также следует отметить, что в ходе прикладного анализа оказалось очень сложно учитывать активность «зонтичных» групп, объединяющих малочисленные группировки с разными повестками (включая как светскую — например, сепаратизм или оппозиция правящему режиму, так и исламистскую). При этом ситуация усугубляется тем, что подобные «зонтичные» структуры чаще всего встречаются в государствах, охваченных вооруженными конфликтами (Ирак, Сирия, Ливия). В этой связи становится практически невозможно отделить участие исламистов в борьбе за власть в рамках гражданских войн, носящих гибридный характер (Почта, 2021), от собственно террористической деятельности, которая направлена на *запугование общества* путем систематического применения насилия. Как представляется, последний аспект выступает в качестве ограничения для исследований терроризма в целом, но в количественных методиках это проявляется наиболее «выпукло».

Заключение

Подводя итог вышесказанному, перечислим основные выводы данного исследования.

Представленная методика позволила выделить три этапа в деятельности исламистских террористических группировок. Первый (2000–2006) и второй (2007–2011) этапы связаны с деятельностью «Аль-Каиды» (запрещена в РФ) и аффилированных с ней группировок, а также террористической активностью «Движения Талибан» (запрещено в РФ) и организаций «моджахедов» в соседних с Афганистаном Пакистане и Индии. Серьезное влияние на рост активности исламистов на

этих этапах оказал конфликт в Ираке, который дестабилизировал страну и сделал ее еще одним «полигоном» для террористов наряду с Афганистаном. Что касается третьего этапа (2012–2020), то он связан с террористической активностью ИГИЛ (запрещено в РФ) и многочисленных присягнувших ему на верность группировок в Азии и Африке.

Эмпирический анализ помог подтвердить наличие прямой пропорциональной связи между ростом количества терактов, совершенных исламистами, и числом жертв в них. В более ранних исследованиях, посвященных связи между структурой и целями группировок и смертностью в терактах, был сделан аналогичный вывод. Однако для выявления такой связи в отдельных регионах требуется провести дополнительные изыскания.

В качестве научной новизны исследования, полученной в ходе применения представленной методики, можно выделить

опровержение достаточно распространенной точки зрения, связанной с восприятием региона БВСА в качестве эпицентра исламистского терроризма. Количественный анализ позволил установить, что первенство БВСА периодически оспаривала Южная Азия, а в 2011–2012 и 2019–2020 гг. Африка южнее Сахары «обходила» БВСА по количеству терактов исламистских групп, занимая второе место среди всех регионов мира.

Как представляется, предложенная методика может лечь в основу будущих исследований, направленных на выявление региональной специфики исламистского терроризма, сетевой анализ аффилированных группировок, а также уточнение критериев для выделения организаций, относящихся к исламистским, что в результате может способствовать выработке более четких определений таких понятий, как «исламистский терроризм» и «джихадизм».

Поступила в редакцию / Received: 14.10.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 10.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Косач Г. Г.* ХАМАС. Национальное движение в религиозном обрамлении // Свободная мысль. 2020. № 1. С. 79–92. EDN: JQRSTQ
- Морозов В. М., Хачирова А. Б.* Компаративный анализ акторности ХАМАС и Хизбаллы и перспективы их встраивания в мировой политический порядок // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 2. С. 105–113. EDN: XQRAGT
- Почта Ю. М.* Исламистский терроризм в контексте современных гибридных войн // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 4. С. 734–746. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-734-746>; EDN: KXWIEL
- Ранджбар Д., Чикризова О. С.* «Позитивный мир» в исламском восприятии международных отношений: пример внешней политики Ирана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 278–295. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-278-295>; EDN: KMJXED
- Степанова Е. А.* Долгосрочный прогноз тенденций в области терроризма // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1. С. 39–52. EDN: VXPUOV
- Степанова Е. А.* ИГИЛ и транснациональный исламистский терроризм // Пути к миру и безопасности. 2014. № 2. С. 13–27. EDN: TEYLNN
- Степанова Е. А.* Россия и США в борьбе с терроризмом (сравнительные угрозы и подходы, Сирия, Афганистан, противодействие насильственному экстремизму) // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1. С. 13–54. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2017-1-13-54>; EDN: ZBQDAJ
- Чикризова О. С.* Шиитские негосударственные вооруженные группировки на Ближнем Востоке: иракский кейс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 1 (842). С. 74–85. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_1_842_74; EDN: VPSXXW
- Яшлавский А. Э.* Исламистский терроризм в Африке в 2010–2020-е годы: основные тенденции и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 4. С. 66–76. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-4-66-76>; EDN: TIQNQC

- Bakhshi U., Rousselle A.* The History and Evolution of the Islamic State in Southeast Asia // *Current Trends in Islamist Ideology*. 2024. Vol. 34. P. 5–26. URL: <https://s3.amazonaws.com/media.hudson.org/CT+34+final.pdf> (accessed: 12.10.2024).
- Carson J. V., Suppenbach M.* The Global Jihadist Movement: The Most Lethal Ideology? // *Homicide Studies*. 2018. Vol. 22, no. 1. P. 8–44. <https://doi.org/10.1177/1088767917733783>
- Choukkar M.* The Popular Front of India and Muslim Responses to Hindu Nationalism // *Current Trends in Islamist Ideology*. 2024. Vol. 34. P. 59–83. URL: <https://s3.amazonaws.com/media.hudson.org/CT+34+final.pdf> (accessed: 12.10.2024).
- Davis B.* Violent Extremist Organizations: Past Trends and Short-Term Forecast // *Journal of Strategic Security*. 2019. Vol. 12, no. 3. P. 37–156. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.12.3.1737>
- Hamming R.* Global Jihadism after the Syria War // *Perspectives on Terrorism*. 2019. Vol. 13, no. 3. P. 1–16.
- Harrow M.* The Effect of the Iraq War on Islamist Terrorism in the West // *Cooperation and Conflict*. 2010. Vol. 45, no. 3. P. 274–293.
- Hegghammer T.* Global Jihadism after the Iraq War // *Middle East Journal*. 2006. Vol. 60, no. 1 (Winter). P. 11–32.
- Hemmingsen A.-S.* Bliver Syrien En Skole for Terrorister? // *Mellemøstens Nye Verden* / ed. by C. B. Kjærsgaard, L. E. Andersen. København : Ræson Medier, 2013. P. 28–42.
- Piazza J. A.* Is Islamist Terrorism More Dangerous? An Empirical Study of Group Ideology, Organization, and Goal Structure // *Terrorism and Political Violence*. 2009. Vol. 21, no. 1. P. 62–88. <https://doi.org/10.1080/09546550802544698>
- Piazza J. A., LaFree G.* Islamist Terrorism, Diaspora Links and Casualty Rates // *Perspectives on Terrorism*. 2019. Vol. 13, no. 5. P. 2–21.
- Schmid A. P., Jongman A. J.* *Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories and Literature*. Amsterdam : Swidoc, 1988.
- Tan A. T. H.* Contemporary Terrorism Challenges and Responses in the Indo-Pacific // *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*. 2024. Vol. 19, no. 3. P. 297–304. <https://doi.org/10.1080/18335330.2024.2346474>
- The Routledge Handbook of Terrorism Research* / ed. by A. P. Schmid. London, New York : Routledge, 2011.

Сведения об авторе:

Чикризова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 2963-7598; ORCID: 0000-0002-1678-0967; e-mail: chikrizova-os@rudn.ru